

Танец солнечной феи

Ирина Владимировна Щеглова

Танец солнечной феи

Серия «Только для девчонок»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183291

Эксмо; 2024

Аннотация

Когда Светлана перешла из балетной в обычную школу, одноклассники показались ей обитателями другой планеты. Они жили по каким-то своим, непонятным законам: разговаривали слишком громко, одевались чересчур смело, вызываясь общались друг с другом и учителями. Сначала Света растерялась в непривычной обстановке. А потом... твердо решила стать такой же, как все. Возможно, у нее бы это получилось, если бы не парень, которому очень понравилась загадочная новенькая...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Щеглова

Танец солнечной феи

Глава 1

«Манефест», или

Революционная ситуация

Света Лагутина по привычке пришла в школу задолго до начала занятий. Она вежливо поздоровалась с охранником; он почему-то всегда приподнимался со своего места при ее появлении. Такое вот утреннее светское приветствие.

Итак, Света раскланялась с охранником, прошла в пустую раздевалку, сняла пальто, переобулась. Достала из сумки зеркальце, поправила и без того идеальную прическу, вздохнула и, покинув раздевалку, направилась к доске объявлений. Она хотела уточнить расписание уроков.

Но вместо расписания ее взгляд наткнулся на листок с таким содержанием, что Света вынуждена была перечитать его несколько раз.

Манефест.

Всем, всем, всем!

Граждане учащиеся!

Революция которой так долго ждали свершилась!

Доводим до вашего сведения, что министерство образования прекратило свое существование и вся власть переходит к чрезвычайному комитету.

Приказы учителей невыполнять!

Уроки отменяются до дальнейших распоряжений комитета!

Света оторопела. У «Манефеста» имелась подпись: *Три товарища*.

Пока она хлопала глазами, у доски объявлений собрались младшеклассники. Они тыкали пальцами в злополучный «Манефест» и галдели на все голоса.

Света обеспокоенно оглянулась. Охранник пока не обратил на шум внимания. Учителей поблизости не наблюдалось.

Если бы не безобразные ошибки в тексте, Света, возможно, испугалась бы еще больше. Но «три товарища», очевидно, не сочли нужным проверить свою писанину. Так что теперь их творчество могло ввести в заблуждение разве что малышей. Пока Света размышляла о том, что делать, к доске подошли ее одноклассницы – здоровенная Наташа Войтко и крошечная чернявая Настя Пацура. Неразлучные подружки-отличницы. Вместе они смотрелись очень смешно. В другое время Света, наверно, позволила бы себе улыбнуться, но...

У Наташи сначала вытянулось лицо, потом она досадливо скривилась. Настя тоже наморщила носик и фыркнула:

– Пф, опять бермудский треугольник!

Света сразу же поняла, о ком она говорит. Ну, конечно! Это же проделки неразлучной троицы из ее класса: Макса, Андрея и Егора. Она бы и сама догадалась, если бы немного подумала.

Света шагнула к одноклассникам и робко предложила:

– Девочки, может быть, это объявление лучше снять, пока никто не заметил?

Наташа покосилась на нее и проворчала недовольно:

– Вот еще! Кто вешал, тот пусть и снимает!

– Не хватало руки марать! – поддакнула Настя. – Не наше дело. Иди на урок!

Света нерешительно качнулась. Она не знала, как ей поступить. Уйти и тем самым подставить своих новых одноклассников, или остаться, сорвать злополучный листок с доски и тем самым поставить себя в неловкое положение.

Пока она размышляла, у доски собралась порядочная толпа. Послышались крики: «Свобода!», «Долой учителей!», «Даешь каникулы!». Народ откровенно веселился. Свету отеснили, и теперь она не смогла бы пробиться сквозь толпу к «Манефесту». Наташа с Настей величественно удалились, оставив Свету одну среди водоворота разновозрастного школьного народа.

Света бессильно оглядывалась по сторонам в надежде на помощь, но вместо помощи к доске пробился охранник, за ним последовала завуч. Потом подоспел физкультурник,

энергично растолкавший ржущих старшекласников.

Бумажку, наконец, сорвали с доски. Завуч, держа ее прямо перед собой в вытянутых руках, понеслась по коридору к кабинету директора.

Учителя с трудом разогнали толпу по классам. Звонки гремел дольше обычного. По коридорам разносились смех и выкрики. Школа ходила ходуном.

Света опомнилась только тогда, когда оказалась одна в вестибюле. Все еще находясь под впечатлением от произошедшего, она заставила себя сосредоточиться и поспешила к кабинету истории.

Когда она пробежала мимо библиотеки, дверь слегка приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась взлохмаченная голова одного из «трех товарищей». Это был Макс Абакумов. Макс сделал «страшные глаза» и прижал палец к губам. Света резко остановилась и уставилась на Абакумова.

– Светка, стой на стреме, – свистящим шепотом произнес Макс.

– Где? – не поняла она.

– Блин! Ну, посмотри, нет ли кого, и дай знать!

– А-а... – Светлана согласно кивнула и оглянулась. – Никого, – сообщила она, – все на уроки пошли.

Голова Макса скрылась, за дверью послышалась возня, потом дверь открылась шире, и из библиотеки выскользнула неразлучная тройца.

– Ты нас не видела! – быстро сказал Макс. После чего все

трое на цыпочках метнулись к мужскому туалету.

– Да, конечно, – пообещала Светлана, но ее шепот растворился в пустом коридоре. Заговорщики исчезли.

Глава 2

Допрос с пристрастием

Наташа и Настя вошли в пустой кабинет. Наташа пожалала плечами:

– Вот идиоты! Небось все собрались перед дурацкой бумажкой и ржут.

Настя согласно кивнула:

– Теперь еще и уроки сорвут!

Подруги синхронно уселись на свои места. Наташа достала учебник, раскрыла его и сделала вид, что углубилась в чтение. Но вскоре с досадой захлопнула:

– Нет, это просто невысказано! Это не школа, а балаган какой-то!

– И не говори, – вздохнула Настя.

– Предлагала мне мама перевестись в нормальную школу, – Наташа явно села на любимого конька. Настя, привыкшая к таким разглагольствованиям, приготовилась слушать.

– Так нет же! – Наташа хлопнула ладонью по столу. – Не понимаю, что меня удержало! На что я надеялась?! Что это сборище придурков к десятому классу поумнеет?

Настя не успела ответить, потому что раздался звонок. Подруги вздрогнули и прислушались.

– Вот, пожалуйста, – Наташа опомнилась первой, – звонок

заливается, а в классе никого. Что и требовалось доказать.

Настя нахмурилась и молча уставилась на дверь.

Дверь все-таки приоткрылась, и в нее проскользнула Света Лагутина. Она с недоумением окинула взглядом пустые столы, девчонок, разглядывающих ее в упор, чуть замешкалась на пороге и все-таки вошла. Точнее, не вошла, а впорхнула. Именно так показалось Наташе и Насте.

Свету они недолюбливали. Впрочем, не совсем понимали почему. Они ее почти не знали. Лагутина пришла к ним в 10-й класс в начале года, причем неизвестно откуда. И сразу же бросилась в глаза своей необычностью, непохожестью на других девчонок. Во-первых, конечно, внешность. Лагутина была высокой, изящной и длинноногой. И все девчонки, естественно, решили, что новенькая – страшная задавка. Во-вторых – походка. Лагутина не ходила по земле, как все нормальные люди, а словно бы летала. Такая вся воздушная и невесомая: подбородочек чуть вверх, спинка как струна, руки как крылья, ноги не касаются земли. И откуда только такие берутся! В-третьих – прическа. Ну кто сегодня будет гладко зачесывать волосы назад, да еще и закручивать их на затылке тугим жгутом, так, что кожа на висках натягивается. Ей же моргать, наверно, больно!

Одним словом, нелепая девица. Так решили все девчонки, да и большинство парней в классе. Один только Ваня Топорков, или, как его прозвали – *Иван*, с ударением на первый слог, только он утверждал, что Лагутина красавица, а

кто этого не понимает, тот лох и шишлимос. Если кто не знает, «шишлимос» – это кто-то вроде придурка. Слово придумал Макс Абакумов и ловко пустил гулять по классу, а потом и по всей школе.

Ну, с *Ивана* что взять, он же даже по-русски говорит с акцентом. Большую часть жизни провел с родителями за границей, бедняжка, теперь мучается и ударения ставит неправильно. Совсем «онемчурился», по образному выражению все того же Абакумова.

Короче говоря, Топорков остался при своем мнении, остальные же новенькую не замечали вовсе. Да она, казалось, и сама была этому рада. Предпочитала одиночество, сторонилась как девчонок, так и парней, и за целый месяц так ни с кем и не сдружилась. Прошлая жизнь Лагутиной для всех оставалась тайной. Да никто особенно и не стремился ее раскрыть. А сама Лагутина не торопилась делиться подробностями своей жизни с новыми одноклассниками. Так все и продолжалось в течение месяца.

Но вернемся в сегодняшний день. Едва Лагутина села на свое место, как дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет ввалились ребята во главе с Олегом Гречихиным. Этот самый Гречихин нес на руках стонущую от смеха Янку Рыбину. Естественно, остальные тоже ржали, как стадо диких мустангов. Гречихин и его друзья-спортсмены составляли как бы силовой центр класса. Это были красивые, здоровые парни, гордость школы: Серега Сухинин, Сашка Эльбаум,

Женька Огейкин. Каждый из них мог запросто таскать на руках не только Янку Рыбину, но и Наташу Войтко, и не только таскать, но и бегать со своей ношей вверх и вниз по школьным лестницам. Но кто же посмеет прикоснуться к Войтко!

Светлана поспешно уткнулась в учебник. Она не знала, как надо реагировать в подобных ситуациях, поэтому предпочла сделать вид, что происходящее ее никак не касается.

Гречихин, не обращая внимания на осуждающие взгляды Наташи и Насти, усадил Янку на первую парту и, как ни в чем не бывало, стал с ней заигрывать. Его друзья окружили красавицу Янку и старались не отстать от Олега. Янка, забросив на парту ноги, отчаянно кокетничала. Она запрокидывала голову и оглушительно хохотала над каждой шуточной парней. Ее узкая короткая юбка максимально открывала стройные ноги, которыми Янка страшно гордилась.

Естественно, Наташа встала и подошла к толпе, чтоб немедленно прекратить безобразие. Она так и сказала:

– Прекратите безобразие!

Парни смутились и примолкли. Но не Янка.

– Ой! А кто ты тут такая? – кривляясь, спросила Янка.

– Одерни юбку, трусы видно, – презрительно бросила ей Наташа.

– Щеки подбери! – парировала Янка.

Наташа на миг запнулась, ее лицо пошло багровыми пятнами, глаза засверкали.

– Я-то похудею, – прошипела она, – а вот ты... – Она вы-

разительно покрутила пальцем у виска и для убедительности постучала себя по голове.

– Один два в пользу Войтко, – констатировал Сашка Эльбаум – лучший друг Гречихина.

Янка спрыгнула с парты и, уперев руки в боки, пошла прямо на Наташку. Та насмешливо посмотрела сверху вниз и изрекла:

– Уймись, пигалица.

Янка даже взвизгнула от злости. А парни снова засмеялись, теперь уже над Яной.

– Все, Рыбина, нокаут. – Эльбаум поднял Наташину руку.

И в этот момент в кабинет ворвалась классная Ольга Петровна. Ребята медленно разошлись по своим местам, все еще посмеиваясь.

Петровна обвела взглядом присутствующих:

– Так, где эти трое?! – Тон ее голоса не предвещал ничего хорошего. Класс молчал.

– Я спрашиваю, где Абакумов, Смирнов и Грибанов?!

Светлане стало по-настоящему страшно. Ей казалось, что классная спрашивает у нее одной, именно потому, что ей все известно. Если бы можно было стать невидимой, просто исчезнуть!..

Спасение пришло неожиданно.

– Ольга Петровна, мы их не видели сегодня, – за всех ответила Наташа.

– Ну, погодите, голубчики! – Петровна грозно потрясла

поднятым кулаком. Класс напряженно замер. А Светлана с облегчением выдохнула.

В кабинет, цокая каблучками, вошла маленькая и толстенная завуч Людмила Георгиевна, прозванная Хаврошей, в сопровождении директрисы Жанны Ивановны, Жанны д'Арк, или попросту Жанны.

Хавроша преподавала историю. То есть именно ее урок был сорван сегодня.

Директриса поздоровалась и разрешила всем сесть. Завуч о чем-то тихо спросила у классной. Та покачала головой.

– Как только появятся – ко мне, – лаконично распорядилась Жанна, кивнула классу и удалилась.

– Ну что? Доигрались? – как-то уж очень зловеще произнесла Хавроша.

– А в чем дело-то? – с самым невинным видом спросил Гречихин.

– Кто это там? – прищурилась Хавроша. – А, это ты, Олечек! Ну-ну... Ты, стало быть, не в курсе?

Гречихин пожал плечами.

– Кто еще не в курсе? – сладеньким голосом уточнила Хавроша. – Войтко, ты тоже ничего не знаешь?

– А что я должна знать? – пожал плечами Наташа.

– Так-так-так, детки, сидите здесь, как невинные овечки, ждете не дождетесь начала урока истории и ничегошеньки не знаете, да?

Класс утвердительно загудел. Да, мол, ничего не знаем,

сидим, понимаешь, ждем...

– А где же ваши товарищи? – Голос Хавроши из сладкого превратился в елейный. – Где Андрюша, Максим, Егорушка? А?

Светлана сидела, как на раскаленной сковородке. Глаз не поднимала. И снова пришло спасение.

– Нас уже Ольга Петровна допрашивала, – отозвался Олег Гречихин, – мы их не видели сегодня. Может, они заболели?

– Ай-ай-ай, – Людмила Георгиевна даже руками всплеснула, – заболели, говоришь? Бедненькие! Только почему-то никого из них дома нет, на звонки не отвечают.

– Не могут, – подал голос Эльбаум.

Завуч со всего маху стукнула кулаком по столу.

– Ну, хватит! – крикнула, – не юродствуйте тут!

В дверь постучали, она приоткрылась, в образовавшуюся щель просунулась лопоухая мальчишечья голова.

– Людмила Георгиевна, вас Жанна Ивановна вызывает, – выпалила голова и скрылась.

Хавроша шумно вздохнула и еще раз обвела тяжелым взглядом класс.

– Всем читать следующий параграф! – приказала она, развернулась на каблуках и выкатилась за дверь.

Тут же все зашумели, задвигались, зашептались. Ольга Петровна постучала ручкой по столу, призывая к тишине:

– Ребята, помолчите!

Ее послушали, утихомирились.

– Значит, так, я сейчас пойду на свой урок, потому что там девятый «Б» уже на ушах стоит. А вы, пожалуйста, после уроков останьтесь. Это касается всех! – Петровна повысила голос, обращаясь к камчатке. – Все, дождитесь звонка.

Она вышла.

Естественно, никто не бросился читать заданный Хаврошей параграф. Как только за Петровной закрылась дверь, в классе поднялся гвалт.

– А че случилось-то? – спрашивали одни.

– Ой, что теперь будет! – закатывали глаза другие.

– А где эти-то?

– Нет, ты видал ихнюю писанину?!

– Во, дают!

– Народ, объясните, наконец!

Гречихин и Эльбаум зубоскалили и напускали на себя таинственность. То есть явно что-то знали, но не спешили рассказывать. Топорков пытался перекричать шум, чтобы рассказать тем, кто не в курсе, о знаменитом «Манефесте». Он волновался, путался с ударениями, его сбивчивый рассказ вызвал новую вспышку смеха. Серега Сухинин и Женька Огейко перебрались поближе к Гречихину и Эльбауму. К ним сунулась было Янка Рыбина, но ее вежливо отшили. Янка надулась, но скоро переключилась на Костю Марушкина.

И только Наташа Войтко и Настя Пацура уткнулись в учебники. Незыблемый остров спокойствия в бурном море

страстей. Правда, был и еще один тихий островок – Света Лагутина. Она не читала учебник, она потихоньку достала из сумки плеер и, прикрыв глаза, погрузилась в одной ей слышимые звуки.

Глава 3

Заговор раскрыт, или Буря в стакане

Между тем «три товарища» отсиживались в туалете.

Макс устроился на подоконнике, он меланхолично подбрасывал вверх ручку и ловил ее. Андрей и Егор подпирали стену. Причем Андрей с головой погрузился в свой наладонник. А Егор что-то напевал под нос.

– Пипидон! – внезапно воскликнул Макс, в очередной раз подбросив и поймав ручку.

– Что? – переспросил Егор.

– Да так, ничего, – отозвался Макс, – хочешь новый прикол?

– Ну...

Макс снова подбросил ручку, крикнул «пипидон», поймал ее, и, улыбаясь, уставился на Егора.

– И в чем прикол? – спросил Егор.

– Очнись, Вильямыч, – посоветовал Макс.

Отца Егора звали Вильямом (бывает и такое), поэтому друзья частенько обращались к Егору по отчеству.

– Секи момент. – Макс еще раз подбросил ручку и, крикнув «пипидон», ловко поймал ее.

Егор пожал плечами и неуверенно улыбнулся.

– Чего тормозишь, попробуй сам, – не отставал Макс, протягивая ему ручку.

Егор подобросил ее, поймал и сказал «пипидон».

– Да не так. – Макс отобрал ручку. – Смотри на меня, бросаешь вверх, и пока она летит, ты должен крикнуть «пипидон». Понял?

– А! – обрадовался Егор. Он схватил ручку и стал подбрасывать ее, выкрикивая заветное слово. Игра увлекла его, он тихонько смеялся.

– Ну вот, научи дурака молиться, – пробурчал Макс.

В этот момент непойманная Егором ручка упала на пол прямо перед Андреем.

– Что? – переспросил тот, отрываясь от наладонника.

– Ничего-ничего, – Макс выкатил глаза и замахал руками, – занимайся-занимайся.

Егор поднял ручку и со вздохом вернул ее Максусу.

Андрей прикоснулся указательным пальцем к переносице, он совсем недавно стал носить линзы вместо очков.

– Парни, а чего мы тут сидим? – спросил он.

– Ждем у моря погоды, – хохотнул Макс.

– Нет, я в том смысле, мы на уроки пойдем?

– Отличная мысль, – согласился Макс, – кто знает, какие у нас сегодня уроки?

– Я не знаю, – отозвался Егор, – я думал, мы вообще сразу уйдем, даже рюкзак не брал.

Макс рассмеялся:

– Так, может, в кино?

– Я – пас, – ответил Андрей.

– Что так? Инет не пускает? – насмешливо переспросил Макс.

– У меня реально дел невпроворот.

– У всех невпроворот.

– Нет, неохота. – Андрей снова погрузился в наладонник.

– Ты из-за Дашки, что ли? – переспросил Макс. – Так мы и ее возьмем с собой.

– Выкрадем с уроков? – невозмутимо предположил Андрей. Он вообще отличался завидным спокойствием.

– Ха! А че, давайте выкрадем, – развеселился Макс, – я бы и еще кое-кого выкрал, например, Петрову, или эту, как там ее, новенькую нашу...

– Лагутину, – напомнил Егор.

– Ну да, Лагутину, – отозвался Макс, – она вроде ничего, Топорков, пожалуй, прав. А как вы считаете?

Андрей неопределенно покачал головой.

– С тобой все ясно, ты однолюб, – Макс негромко рассмеялся, – а ты, Егор?

– Не знаю, – отозвался тот, – она какая-то незаметная...

– Точно! Только новенькая не незаметная, она хочет, чтоб ее не замечали, понимаете? Ну, типа, чтоб не приставали и все такое. А вообще-то, вполне возможно, она нас всех презирает.

– С чего бы это? – удивился Егор. – Мы же не сделали ей

ничего плохого. К тому же, если бы она нас презирала, то продала бы с потрохами. Ведь она нас видела.

Макс подумал и предположил:

– Потому и не продала, что презирает. Хотя, возможно, просто боится...

– Ага, мы очень страшные, – пошутил Егор.

– Не в этом дело. Я думаю, в прошлой жизни она была другой, а потом что-то случилось, и она попала в нашу школу.

– Ага, как Иван Топорков, – согласился Егор, – из князи – обратно в грязи. Но Топорков же нормальный парень.

– Вот именно! Парень! А Лагутина – девчонка. Чувствуешь разницу?

Егор пожал плечами.

– Типа, женская логика, что ли?

– Типа – да, – хохотнул Макс.

– И ты предлагаешь выкрасть ее с уроков вместе с Дашкой? – уточнил Егор.

– Почему бы и нет?

– Издеваешься? Если мы сейчас пойдем на уроки, нас сразу возьмут, – напомнил Егор.

– Нас в любом случае возьмут, – сказал Макс.

– Ну и надо было сразу к Жанне сходить, – не поднимая головы, отозвался Андрей.

– Ага, огрести по полной, – развеселился Макс.

– Не понимаю, зачем мы тогда в библиотеке прятались,

бегали, – пожал плечами Егор.

– Так весело же было! – хохотнул Макс, – разве нет?

Договорить им не дали. В туалет вошел какой-то малолетка. Увидев старшеклассников, замер испуганно.

– Чего встал? – прикрикнул Макс. – Иди, куда шел.

Но малолетка, видимо, решил не рисковать. Он кинулся к выходу и исчез.

– Все, парни, сейчас начнется, – сказал Егор.

– Не дрейфь, Вильямыч, прорвемся, – пообещал Макс. – Идем отсюда. Не хватало еще, чтоб нас взяли в туалете. Это пошло.

И они вышли из своего убежища и с независимым видом двинулись по пустому школьному коридору.

А где-то уже хлопнула дверь, слышались чьи-то шаги, а потом и голоса.

– Парни, чего решаем? – на ходу спросил Макс.

Андрей произнес что-то неопределенное: «М-м-м-м-м...». Егор пожал плечами.

– Ладно, – согласился Макс, – попробуем прорваться.

Прорваться им не удалось. В вестибюле их остановил охранник. Он усмехнулся недобро и качнул головой: мол, идите, голубчики, к директору.

Но друзья и не подумали сопротивляться. К директору так к директору.

Глава 4

Герои дня

10-й «А» перекочевал в кабинет русского языка и литературы. Класс был взбудоражен. На перемене бурно обсуждали, что теперь будет с «тремя товарищами». Предположения высказывались самые разные. Одни пророчили кары небесные, другие склонялись к тому, что заговорщики снова выйдут сухими из воды, как уже бывало не раз. Сашка Эльбаум принимал ставки.

Гречихин убеждал всех, что ничего нарушителям не сделают. Так, покричат и все. Иван горячился и снова что-то кому-то доказывал. Сухинин и Огейкин присоединились к Гречихину. Костя с Янкой ржали во весь голос. Когда Эльбаум спросил у Наташи Войтко, что она думает по поводу случившегося, та отрезала:

– Я бы отчислила! Но, к сожалению, не я решаю.

Ее подруга поддакнула.

Нина Макарова – тихая девочка из пригорода, испуганно пожимала плечами и отмалчивалась. Красавица Лена Петрова отвечать отказалась. А рыжая толстушка Соня Шапиро очень боялась за ребят. Она хваталась за щеки и твердила: «Ой, хоть бы все обошлось! Хоть бы обошлось!» Даша Гришина – девушка Андрея – то краснела, то бледнела. Сразу

было видно, нервничала...

Одна Лагутина не принимала участия в споре. Гречихин заметил это и громко спросил:

– Светлана, а ты как считаешь?

Потом он все пытался вспомнить и понять, что же произошло в тот момент? Мир словно бы изменился, время потекло медленно-медленно. Он смотрел на Лагутину, как она плавно поворачивает изящную голову, как смотрит на него своими удивительными, чуть удлинненными, серыми глазами, как улыбается одними уголками губ... Он даже рот раскрыл, а когда очухался, захлопнул так, что лязгнули зубы. А вот что ответила Лагутина, он, хоть убей, не мог вспомнить.

К тому же прозвенел звонок, и в класс вплыла русичка Наталья Николаевна. Парни прозвали ее Печатной Машинкой за потрясающей величины бюст. Собственно, бюст был единственным достоинством учительницы, по мнению все тех же парней 10-го «А».

Класс недружно встал, громяхая стульями. Гречихин тоже поднялся, скорее на автомате. Наталья Николаевна махнула рукой: «Садитесь...»

Не успел класс усесться, как дверь распахнулась и появились три товарища.

– А, герои дня, – приветствовала их Наталья Николаевна, – ну, что стоите, проходите, садитесь.

Тут надобно заметить, что наших героев все старались рассадить подальше друг от друга. Таким образом, Макс си-

дел на первом ряду у окна, Андрей на среднем ряду, за вторым столом рядом с Дашей, а Егор занимал место в середине последнего ряда. Таким образом, друзья образовывали треугольник, метко названный Наташей Войтко Бермудским. Разделение никак не мешало трем товарищам общаться во время уроков.

При виде заговорщиков класс радостно загудел.

– Вы еще живы?

– А мы уж думали, что потеряли вас.

– Парни, парни, че там было, расскажите?!

Русичка тщетно пыталась уговорить учеников. Класс был слишком возбужден.

Эльбаум сразу же развернулся к Максиму. Хорошенькая Даша теребила Андрея, а сзади его уже тыкали ручкой в спину и требовали подробностей. Егор, небрежно развалившись на стуле, почти в полный голос рассказывал о сегодняшнем приключении и его последствиях всем желающим.

Гречихин украдкой посматривал на Лагутину, он пытался понять, что же такое есть в этой девчонке.

Непосредственно уроком интересовались лишь Войтко и Пацура. Наталья Николаевна переключилась на них, потеряв надежду успокоить класс.

– Вы сегодня просто невыносимы! – заявила русичка в конце урока.

Но никому не было дела до ее мнения. Класс чувствовал своих кумиров.

Во время перемены за героями дня ходило полшколы. Многие прибегали специально, чтоб посмотреть на них.

Три товарища чувствовали себя прекрасно, они купались в лучах славы, хохмили и прикалывались над собой и над другими.

По школе прокатилась волна самых невероятных слухов. Сами же непосредственные виновники событий и поддерживали их. Мол, Жанна чуть ли не извинилась перед ними, все простила, даже похвалила!

Светлана волей-неволей прислушивалась к тому, что говорят одноклассники и... недоумевала. Она-то думала, что на головы нечестивцев обрушатся все кары небесные. Она даже жалела малознакомых ребят. И тут вдруг произошло что-то невероятное. Три товарища ходили по школе с гордо поднятыми головами, ржали, как необъезженные жеребцы, и упивались триумфом.

Нет, нет, нет, нет! Светлана чего-то не понимала. Совсем! Выходит, если бы эти трое размалевали школьные стены граффити или притащили из дома картину фривольного содержания, или... воображение Светланы оказалось бессильным. Что должны были сделать ученики 10-го класса средней школы для того, чтобы их поступок повлек за собой наказание?! Господи, может, поджечь школу? А что, с них станется...

Итак, веселились все. Кроме Лагутиной и... Гречихина. Он как-то слишком напряженно думал. О чем? Да о Светла-

не, конечно.

Остальные уроки прошли кое-как. Можно сказать, день насмарку.

И, хотя на незапланированный классный час никто не хотел оставаться, однако остались. Просто потому, что всем было любопытно узнать, чем же дело кончится. Ведь никто так и не поверил заговорщикам, что они так легко отделались. Всего-то: крики Хавроши да короткая отповедь Жанны. На самом деле Жанна придумала наказание для заговорщиков. Она заставила их писать диктант, все из-за того, что в «Манефесте» обнаружили ошибки, которые и предстояло исправить. Понятное дело, о диктанте друзья предпочли не распространяться.

На классный час явилась Хавроша. Она-то и сообщила всем о директорском решении. Наказание, с одной стороны, было уж слишком мягким, с другой – каким-то обидным. К заговорщикам отнеслись как к маленьким шалунам. Естественно, с героев мгновенно спал флер мученичества за идею, и класс это сразу почувствовал, вместо прежних восторгов начались насмешки.

Хавроша, довольная произведенным эффектом, удалась. А Петровна еще битый час разглагольствовала об ответственности за свои поступки. Мораль читала.

И, хотя классную уважали, слушали ее вполуха. Утренняя история успела надоесть.

После классного часа уже никто не приставал к трем то-

варищам с вопросами, никто не ужасался и не восхищался. Так, посмеялись и разошлись по домам.

Макс и Егор увязались за Андреем и Дашей. Войтко и Пацура, как всегда, удалились с гордо поднятыми головами, не удостоив никого взглядами. Лагутина тоже не попрощалась с одноклассниками. Ушла незаметно.

Рыбина потолкалась на крыльце в ожидании, что Гречихин предложит ей погулять после уроков. Но Гречихин словно ослеп и оглох. Он стоял на крыльце, уставившись в одну точку. Янка раздраженно фыркнула и решила отомстить невнимательному Олеженьке. Она громко позвала Костю, демонстративно повисла на его руке и потребовала, чтоб он ее проводил. Костик не отказался. Янка краем глаза не забывала посматривать на Гречихина, но тот и бровью не повел. Тогда Янка увела вконец обалдевшего Костю.

Гречихин все еще стоял на крыльце, не двигаясь с места. Когда кроме него и Сашки Эльбаума никого не осталось, Эльбаум сказал негромко:

– Греча, она давно ушла...

– Что? – Гречихин вздрогнул и посмотрел на друга непонимающе.

– Я говорю, новенькая давно ушла

– При чем здесь... – начал Гречихин, но резко осекся и покраснел.

– Ни при чем, – согласился Эльбаум, – только ты на нее сегодня весь день пялился.

– С чего ты взял? – нахмурился Гречихин. Он помотал головой, словно прогоняя наваждение. – Идем, на тренировку пора...

– Ну-ну... – чуть усмехнулся Эльбаум.

Глава 5

Лагутина

Света возвращалась домой в одиночестве. Торопиться ей было некуда, и она изо всех сил старалась замедлить шаги. Что ее ждало дома? Ну, пообедает, сделает уроки и усядется на диване с книгой. Теперь у нее было много свободного времени, а она совершенно не знала, куда его девать.

Вечером родители спросят, как прошел день, что было в школе. Сегодня Свете было что рассказать. Потому что обычно она отмалчивалась или отделивалась ничего не значащими фразами.

В новой школе Света чувствовала себя изгоем, эдакой белой вороной. Все было настолько непривычно, даже чуждо, как будто она жила до этого в другом мире, а потом внезапно, вдруг очутилась здесь.

С самого раннего детства она привыкла работать до седьмого пота. Она занималась, занималась, занималась... Нет, не в школе. Света Лагутина училась в хореографическом училище. Как говорили, подавала большие надежды. А потом в одночасье надежды рухнули. А с надеждами рухнула и вся прежняя жизнь. Ничего не осталось. Ни прежних подруг, ни педагогов, ни привычного распорядка дня, ни конкурсов, ни изнуряющих тренировок, ни чувства полета во время тан-

ца. Свете изменило собственное тело. Такое послушное, доведенное до совершенства, выстраданное, выстроенное.

И никого нельзя винить. Даже себя нельзя, потому что, как говорит доктор: «Мы не в силах контролировать случай». Света понимала, он так утешает ее, помогает перестроиться, пережить стресс.

И Света терпеливо ходила к психологу, потому что она так была приучена. Раз надо, значит, делай.

Доктор убеждал ее в том, что на все нужно время. Да, Света знала об этом, она была согласна с доктором. Она выполняла все его рекомендации. Но если в первое время ей было совсем худо, то теперь она вообще ничего не чувствовала. Апатия.

Доктор советовал ходить в бассейн. Света ходит. Доктор настаивал на том, чтоб она больше гуляла. Света терпеливо вышагивает по улице. Она держит себя в руках. Хотя ей очень, очень плохо. Да еще и новая школа.

Школа – это самое ужасное в новой жизни.

Света никогда не могла даже представить себе, что такое обычная средняя школа в спальном районе. То есть школа для всех. Мало того, Света раньше практически не встречалась с обычными школьниками. Не то чтобы она сторонилась людей, нет! Ей просто некогда было. Вся ее жизнь была посвящена танцу. Танец был ее смыслом и целью. Все Светины мечты, надежды на будущее, стремления, интересы – все было связано с танцем. И что теперь?

Школа обрушилась на нее шквалом. Накрыла, поглотила, ударила по и без того уже расшатанным нервам. После первого сентября Света, закрывшись в комнате, рыдала в подушку. За что ей такое испытание?! Чем она провинилась? Жить не хотелось, хотелось уснуть и никогда больше не просыпаться. Зачем, спрашивается, жить? Чтоб ходить в эту школу и быть как все? Нет, в голове не укладывалось.

На следующий день она не смогла заставить себя пойти в школу. Она лежала на диване и смотрела в потолок. Родители, доктор, родственники – все они бегали вокруг со своими советами и уговорами. Света неимоверным усилием воли приказала себе подняться и выйти из дома. Она была противна сама себе. Пожалуй, это отвращение к себе и помогло ей на первых порах.

Она стала приходить в школу, отсиживать уроки и убраться домой, подобру-поздорову.

Своих новых одноклассников Света почти не различала. Вместо легконогих эфирных девочек ее окружала шумная, топочущая орда.

Нет, парней она не боялась. У них в училище были, разумеется, мальчишки. Но Света, как и ее подруги, смотрели на них просто как на партнеров. И потом, их было мало, гораздо меньше, чем в новой школе.

А как они ходят?! Бум-бум – БУМ! Причем девчонки не отстают. Толпа бизонов! А одеваются?! Интересно, им кто-нибудь когда-нибудь говорил о том, как НАДО одеваться?

Судя по всему – нет. Они орут, дерутся, жуют жвачку, безобразно красятся, визжат, обнимаются! О боже!

Но это еще не все. Попутно выяснилось, что Света и половины не понимает из того, что говорят на уроках учителя. И, если она неплохо знает русский язык и литературу, разбирается в музыке, более или менее свободно говорит по-английски, то физика, химия, а особенно алгебра и геометрия – для нее просто белые пятна на карте, то есть в сознании, конечно.

Но самым страшным, самым нелепым и чудовищным по своей бессмысленности показался Свете урок начальной военной подготовки. Как объяснила директриса Жанна Ивановна, у них в школе особое внимание уделяется патристическому воспитанию. Поэтому каждый год школа проводит всевозможные военизированные конкурсы и большую игру «Зарница». Организация всех этих мероприятий возложена на военрука, полковника ВДВ в отставке Подушкина. Он же и ведет НВП.

На первом же занятии Подушкин заявил, что в этом году десятиклассники будут помогать ему с подготовкой и ведением игры, поэтому они должны подтянуться, вспомнить все, что проходили ранее, а особенно устройство автомата Калашникова. Автомат надо уметь разбирать и собирать с закрытыми глазами. Также следует обратить внимание на строевую подготовку, которой они и будут усиленно заниматься в течение года.

Света автомат видела впервые в жизни. Весь класс успешно справился с разборкой и сборкой, а она даже не знала, с какой стороны к автомату подойти. Подушкин был очень недоволен. Класс, естественно, посмеивался.

– Лагутина, – сверившись со списком, отчеканил Подушкин, – как же ты будешь Родину защищать?!

– Ничего, товарищ полковник, мы ее защитим! – выкрикнул кто-то из ребят.

– Рразговорчики в строю! – рявкнул Подушкин. – А с тобой, Лагутина, будем заниматься, – пообещал он растерявшейся Свете.

И сдержал обещание. Сначала он сам разобрал и собрал автомат, после чего приказал то же самое сделать Свете. Света сначала с ужасом взглянула на оружие, потом на свои тонкие белые пальцы с аккуратным маникюром. Одноклассники хихикали и отпускали замечания.

Света со слезами на глазах попыталась разобрать автомат, у нее, естественно, ничего не получилось.

– Работай, Лагутина, работай! – чеканил Подушкин. Светины ладони покрылись пятнами оружейной смазки. Она старалась изо всех сил, и все-таки у нее ничего не получилось бы, если бы внезапно не подошел Ваня Топорков. Подушкин отвлекся на кого-то, в этот момент Топорков успел тихонько шепнуть:

– Ничего, Светлана, у меня тоже не сразу получилось... – Он ловко разобрал автомат, попутно объясняя его устрой-

ство.

Благодаря помощи Топоркова Света в конце концов, с грехом пополам, освоила всю процедуру.

Как же она была благодарна Ване! И дело вовсе не в автомате. А в том, что Топорков поддержал ее в трудную минуту. Единственный среди чужаков протянул руку, сказал доброе слово, улыбнулся. Это дорогого стоит.

Света немного воспрянула духом. После урока она подошла к Топоркову и поблагодарила его. О чем вскоре и пожалела. Она услышала, как другие ребята высмеяли его и его поступок. С тех пор Ваня избегал ее, хотя всегда вежливо здоровался.

Как бы там ни было, Лагутина на него не обиделась. Она понимала: против всего класса выстоять трудно. Правда, она пока держалась.

Хорошо еще, что Жанна Ивановна, по просьбе Светы, не сообщила классу о хореографическом училище. Если бы ее одноклассники узнали о прошлом Светы, они стали бы ее расспрашивать, а еще хуже – насмехаться и выдумывать глупые клички, этого она не выдержала бы.

«И все-таки, – думала она, – как они – такие разные – уживаются между собой?» В ее голове никак не стыковались «три товарища» и силовики, парочка отличниц и вульгарная Янка, а ведь были еще и другие, менее яркие и заметные.

И какое место в этом классе должна занять она сама?

Погруженная в свои мысли, Света дошла до дома.

* * *

Гречихин и Эльбаум тоже отправились по домам, чтоб собраться на тренировку. Но у Гречихина, как назло, вместо тренировки в голове была Лагутина.

Из-за нее он все время отвлекался, и что уж совсем непозволительно, впадал в мечтательность. Между прочим, это очень опасно – отвлекаться во время тренировки. Гречихин, забывшись, уронил гантели, и если бы Эльбаум не отпрыгнул, то получил бы перелом стопы.

И тренер остался недоволен Гречихиным. Одним словом, одни неприятности от девчонок!

Возвращаясь домой, Гречихин ругал себя последними словами и поклялся, что больше никогда! Страшным усилием воли он заставил себя выкинуть Лагутину из головы.

Глава 6

Не наша Маша

Три товарища тешили себя надеждой, что обещанные Жанной диктанты как-нибудь забудутся.

Поэтому выходные они провели, занимаясь каждый своим любимым делом. А именно: Егор брэнчал на гитаре, Андрей возился с компьютерным железом, Макса его друзья-актеры пригласили в театр на премьеру спектакля.

Естественно, в понедельник ни один из них не был готов к диктанту. Однако классная Ольга Петровна огорошила их, напомнив о наказании. Хорошо еще, что Петровна не стала говорить об этом при всех. Настроение у друзей испортилось. Во-первых, диктант надо было писать после уроков; во-вторых, ни одному из товарищей не улыбалось провести лишний час в обществе нудной русички. И вообще, какой может быть диктант, когда вокруг кипит жизнь, когда надо успеть переделать множество интересных и полезных дел! Неудивительно, что наши друзья приуныли.

Последним уроком должна была быть литература. То есть смыться никак невозможно. Печатная Машинка просто не выпустит их из кабинета. Макс даже хотел удрать с уроков, чтоб не оставаться на злосчастный диктант. Он попытался уговорить друзей, чтоб те его прикрыли в случай чего. Но

и тут ему не повезло. Дашка вцепилась в Андрея и всеми правдами и неправдами уговорила с достоинством принять наказание. Она и Егора застыдила, назвав легкомысленным и безалаберным человеком. Таким образом, Макс остался в одиночестве. И, хотя Дашкины аргументы на него не действовали, к мнению друзей он вынужден был прислушаться.

Егор заявил, что он не ребенок и вполне способен отвечать за свои поступки. Андрей же пробурчал что-то типа: «А че, если надо, так надо...».

Злой на друзей Макс оставшиеся уроки подбрасывал ручку и учил одноклассников играть в «пипидон». Игра распространялась по классу со скоростью морового поветрия, даже девчонки подключились. Особенно ловко получалось у Янки Рыбиной.

Во время уроков то и дело раздавались возгласы «пипидон!». Учителя вздрагивали, делали замечания, даже ставили двойки. Но игра продолжалась. Наташа Войтко не выдержала и заявила, что в бермудском треугольнике исчезают последние надежды класса.

Наконец ребята переместились в кабинет русского языка и литературы. Здесь их поджидала новость.

Вместо русички Натальи Николаевны в кабинет вошли завуч и молоденькая незнакомая девушка. Завуч была настроена весьма благодушно. Она милостиво оглядела класс, разрешила сесть и представила незнакомку:

– Ребята, я хочу представить вам Марию Владимировну, –

медоточиво улыбаясь, сообщила Хавроша.

Девушка слегка поклонилась и тоже улыбнулась. Класс застыл. «Хороша Маша...» – донеслось с задних рядов. «Да не наша...» – подхватил кто-то из парней.

Хавроша погрозила пальцем:

– Прекратите паясничать! – И продолжила: – Мария Владимировна будет вести у вас русский язык и литературу до тех пор, пока не вернется Наталья Николаевна.

Она повернулась к девушке:

– Ну вот, приступайте, и поосторожнее с ними! Если что, обращайтесь прямо ко мне.

– Спасибо, – поблагодарила Мария Владимировна.

Хавроша с достоинством удалилась.

Класс с интересом уставился на молоденькую учительницу. По виду ей можно было дать не больше двадцати. Она казалась совсем юной: невысокая, пухленькая, со светлыми вьющимися волосами и огромными серыми глазами. Когда она улыбалась, на ее щеках играли милые ямочки. И вообще, она выглядела милой и очень хорошенькой. Даже строгий серый костюм не портил ее. Парни заметно притихли, девчонки напряглись. А Мария Владимировна еще раз поздоровалась и предложила поговорить о преемственности в русской поэзии. Видя, что ее предложение не вызвало энтузиазма, учительница спросила:

– А знаете ли вы, что Маяковский считал Пушкина «своим»?

– Да ну, – высказался кто-то, – взвейтесь, развейтесь...

При чем тут Пушкин?

Мария Владимировна усмехнулась и продекламировала:
«Ваш муж дурак и сивый мерин, будьте обязательно моя!»

– Так Маяковский перефразировал пушкинские строки.

Узнаете? – спросила она.

Ребята неуверенно засмеялись.

– Ребята, а вы Пушкина читали? – поинтересовалась она.

– У Лукоморья дуб зеленый, – выкрикнул Егор.

– Погиб поэт, невольник чести, – дополнил Андрей. Тут даже учительница не выдержала и рассмеялась.

– Это Лермонтов, – поправила она, – а самое знаменитое произведение Пушкина? «Евгений Онегин» читали?

– Чита-али, – протянул Женька Огейкин.

– И как тебе? – живо переспросила учительница.

– Да ну, скукотища, – ответил Огейкин.

– Ага, читал! В кратком пересказе! – съязвила Войтко. –

Тоже мне! Огейкин-Онегин!

– Круто! – тут же вставил Макс. – У нас теперь свой Онегин!

Огейкин покраснел. Он знал, кличка теперь приклеится намертво.

– Неужели так уж скучно? – неожиданно сильный голос Марии Владимировны перекрыл шум класса. – А про ножки?

– Чего? – не понял Макс.

– Какие ножки? – спохватился Гречихин. – В смысле, чьи?

И тут Мария Владимировна еще раз удивила класс, она задорно улыбнулась и без всякой книжки, прямо так, по памяти начала декламировать:

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил.
Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.